

Философия выживания: эпистолярные практики в ситуации экзистенциальной катастрофы

О. Р. Демидова

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Выживание, понимаемое как долговременный реактивный процесс, вызванный экзистенциальной катастрофой, анализируется на материале пред- и пореволюционных петроградских писем сестер Софии и Елены Юдиных их вятской подруге Нине Агафонниковой в процедурах герменевтического чтения. Переписка рассматривается как стратегия вербализации представляющегося невербализуемым бытийного опыта 1916–1919 гг., позволяющая посредством авторефлексии пережить и изжить этот опыт в слове.

Содержание. Размышляя о жанровой форме вербализации и осмысления катастрофического бытийного опыта, сестры отдают предпочтение письму перед дневником, поскольку письмо не только позволяет регистрировать факты, события, психофизиологическое и эмоциональное состояние автора, фиксируя их в его долговременной памяти и – в пределе – в памяти культуры, но и дает возможность передать свой опыт собеседнику, получить отклик, вести письменный диалог не только с собой, но и с тем, кто пребывает в иной бытийной ситуации. При этом в ходе переписки меняется содержательная и функциональная структура писем: превалирующая в первых письмах информационная составляющая достаточно быстро уступает место рефлексивной, (само)оценочной, (авто)репрезентативной, мемориальной с выраженным усилением эсхатологических мотивов. Онтологические категории пространства и времени семиотизируются, становясь символами утраченного счастья (упраздненное прошлое страны и города), невыразимого ужаса (разрушающийся Петербург–Петроград настоящего), робкой надежды (смутно прозреваемая будущая жизнь). С точки зрения антропологической в письмах очевидна резкая граница между «мы» (семья, друзья, учителя, университетские профессора) и «они» («новые люди», представители власти), при этом первые, образующие близкий круг (свои), персонализированы, тогда как вторые, как правило, безымянны и безлики, представляя совокупную массу чужих / врагов. Инструментами сохранения себя во враждебном окружении становятся традиционные культурные практики, одной из которых является дружеская переписка.

Выводы. Дружеская переписка как одна из устойчивых культурных практик российской творческой интеллигенции явилась одной из базовых стратегий и многофункциональным инструментом выживания сестер Юдиных в первые пореволюционные годы, позволив им осознать и пережить катастрофические события, избежав распада личности и не утратив осознания своей принадлежности к кругу «просвещенных людей» с присущей этому кругу системой ценностей нравственного и эстетического порядка, что позволяет расценивать переписку не только как хронику выживания, но и как пространство преодоления эсхатологии.

Ключевые слова: экзистенциальная катастрофа, выживание, стратегии, культурные практики, опыт, письма, эсхатология, жизнь, смерть.

Для цитирования: Демидова О. Р. Философия выживания: эпистолярные практики в ситуации экзистенциальной катастрофы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 136–149. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_136. EDN: MХAQPK

Original article
UDC 130.2
EDN: MXAQPK
DOI: 10.35231/18186653_2024_3_136

Survival Philosophy: Epistolary Practices in the Existential Catastrophe Situation

Ol'ga R. Demidova

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. Survival understood as a long-time reactive process caused by an existential catastrophe is analyzed hermeneutically on the material of Sofia and Elena Judin's Petrograd 1916–1919 letters written to their Vyatka friend Nina Agafonnikova. The correspondence is treated as a strategy of verbalizing the everyday experience that seems not possible to verbalize, which lets the sisters rationalize and live through the said experience by means of auto-reflection expressed in words.

Content. Thinking of the most adequate genre of verbalizing and rationalizing the catastrophic existential experience, the sisters choose epistolarium rather than a diary since a letter makes it possible not only to register facts, events, a psychophysiological and emotional state of the author, fixing them in the long-term individual and cultural memory, but also to share one's own experience with a correspondent, get a response, form a written dialogue both with self and with another person whose actual life circumstances are somewhat different. As the correspondence goes on, the content and functional structure of letters undergo an obvious transformation, with the informational function prevailing in the initial letters changed to the reflective, (self)ascertaining, (self)representational, and memorial ones. The ontological categories of time and space get semiotized turning into the symbols of the bygone happiness (the abolished past of the country and the city), the inexpressible horror (the decaying St Petersburg-Petrograd of the present), and a slight hope (the ambiguous picture of the future life). On the anthropological plain, there is a definite borderline between "we" (family members, friends, teachers and University Professors) and "they" (the "new people" and the authorities), the former belonging to the close inner circle and personified, while the latter being as often as not faceless, nameless and as such representing the depersonified mass of enemies. To defend and preserve themselves in the alien surroundings the authors use traditional cultural practices, familiar correspondence being one of them.

Conclusions. Familiar correspondence as one of Russian artistic intelligentsia's standing cultural practices proved one of basic strategies as well as a multifunctional instrument of the Judin sisters' survival in the first after-1917 years giving them an opportunity to rationalize and live through the catastrophic events, preserve their personal and cultural identity as individuals belonging to the circle of "enlightened people" with their axiological and aesthetic values. All the above said makes it possible to regard their correspondence both as a survival chronicle and as the space of overcoming eschatology.

Key words: existential catastrophe, survival, strategies, cultural practices, experience, letters, eschatology, life, death.

For citation: Demidova, O. R. (2024) *Filosofia vyzhivaniya: epistolarnyye praktiki v situatsii ekzistentsial'noi katastrofy* [Survival Philosophy: Epistolary Practices in the Existential Catastrophe Situation]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 136–149. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_136. EDN: MXAQPK

Введение

Если исходить из набора словарных значений глагольной пары «выживать – выжить»¹, процесс *выживания* возможно определить как развернутую во времени и требующую значительных усилий комплексную индивидуальную психо-физиологическую реакцию на экзистенциальный вызов, в результате которого индивид оказывается в пограничной ситуации между жизнью и смертью. Весьма существенную роль в этом процессе играют психотип личности, ее общие мировоззренческие установки, социокультурная принадлежность, повседневные бытовые и культурные практики, определяющие стратегию и способы выживания. Одной из стратегий подобного рода становится обращение к практикам вербальной интерпретации бытийного опыта (дневнику и эпистолярию)² как к способу переживания и изживания его в слове, позволяющему осознать глубинный смысл происходящего и преодолеть посланные испытания.

Предметом анализа в статье являются письма дочерей петроградского художника А. Н. Юдина³ Софьи и Елены⁴, написанные из Петрограда в 1916–1919 гг. и адресованные их подруге Н. Е. Агафонниковой⁵, в 1910-е гг. – соученице Софьи по Бестужевским курсам, а с 1916 г. жившей в Вятке⁶. То есть, в статье предложен вариант *герменевтического прочтения* дружеской переписки представительниц столичного образованного сословия (преимущественно художественных его кругов) в последний предреволюционный год и в ранний пореволюционный период, который для авторов и адресата писем стал эпохой разлома: крушения прежней жизни и выжи-

¹ «Выживать – переживать, переносить, выносить» [5, с. 289]; «выжить – остаться в живых» [10, с. 256].

² Подробнее о дневниках советской эпохи см.: [8].

³ Алексей Николаевич Юдин (1867–1918) был родом из Вятки, в конце XIX в. переехал в Петербург вместе со своим другом и впоследствии шурином А. А. Рыловым, учился в Техническом училище рисования барона Штиглица, после женитьбы на сестре Рылова оставил училище и занялся частной практикой; в 1893–1900 гг. был студентом Академии художеств, в ноябре 1900 г. получил звание художника, после чего преподавал в петербургских институтах и давал частные уроки; подробнее о нем см.: [9].

⁴ Софья Алексеевна Юдина (1895–1942) – старшая дочь А. Н. Юдина – училась на литературном отделении Бестужевских курсов, в 1925 г. окончила живописный факультет Академии художеств, в 1920–30-х гг. служила научным сотрудником Русского музея, Государственного музея этнографии, с апреля 1941 г. – Отдела русской культуры Эрмитажа; умерла от голода 11 февраля 1942 г. в подвальной помещении Эрмитажа. Елена Алексеевна Юдина (1902–1942) – младшая сестра С. А. Юдиной, пианистка, в 1925 г. окончила Ленинградскую консерваторию, концерттировала и преподавала в музыкальных техникумах Махачкалы и Самары, умерла от голода в Ленинграде в апреле или мае 1942 г.; подробнее о них см.: [2, с. 17–20].

⁵ Нина Евгеньевна Агафонникова (1893–?) – дочь служащего Вятской губернской казенной палаты, в 1913 г. с золотой медалью окончила Вятскую мариинскую женскую гимназию, в 1914–1916 гг. была слушательницей петроградских Высших женских (Бестужевских) курсов, которые оставила по состоянию здоровья и вернулась в Вятку; в 1920–40-х работала библиотекарем и делопроизводителем, с марта 1943 г. – в одной из вятских артелей инвалидов; подробнее о ней см.: [2, с. 14–16].

⁶ Текст писем см.: [2, с. 25–140, 179–336, 363–518].

вания в новых социокультурных обстоятельствах, радикально отличных от привычного жизненного уклада. Это естественным образом определило цель статьи: проанализировать вектор и специфику изменения функциональных, эстетических, информационных и телеологических характеристик традиционного жанра дружеского письма¹ в пограничных бытийных условиях, сложившихся в ситуации исторической и вызванной ею экзистенциальной катастрофы.

Содержание исследования

Проблема специфики эпистолярного жанра актуализируется в переписке достаточно рано, в недолгий период между событиями февраля и октября 1917 г. В письмах Софьи сентября 1917 г. дружеская переписка сопоставляется с дневником, причем предпочтение отдается первой как функционально более соответствующей складу личности автора и той цели, которую она считает основополагающей для переписки: «О дневнике я спросила тебя, потому что я сама хотела писать – и начинала, но ничего из этого не выходило. Отчего-то совестно записывать свои мысли так – ни для чего»; «Мне хотелось повести с тобой такую переписку – “разговорную”, то есть стали бы мы обмениваться своими мнениями – относительно произведений искусства, относительно явлений жизни, можно поспорить и не соглашаться. <...> Говорить устно и спорить я не умею, а вот письменно – лучше, удобнее. Вот такую переписку – как будто разговор двух людей <...> я бы хотела, чтобы она была между нами, потому что я тебе пишу свободнее, чем кому-нибудь другому, и с тобой бы мне хотелось поговорить» [2, с. 99, 102; недатир. письмо середины сентября и письмо от 18 сентября 1917 г.].

Кроме вполне очевидной ориентации на традиционное понимание эпистолярного общения как «непринужденного разговора на бумаге», представляющего «изображение души и характера автора» [12, с. 22, 28, 174], в цитированных выше фрагментах примечательны еще несколько обстоятельств, значимых для рассматриваемой в докладе темы: присущие

¹ Жанр дружеского письма неоднократно привлекал внимание исследователей, однако предметом интереса становились письма преимущественно литераторов прошедших эпох; подробнее с исчерпывающей литературой вопроса, в том числе и посвященной западноевропейской и российской традиции дружеской переписки, см.: [1; 3; 4; 6; 7; 11; 12; 13; 14].

Софье Юдиной интровертность, склонность к (авто)рефлексии, круг интересов и потребность в собеседнике для самоанализа¹. Все это в разные периоды получает то или иное воплощение в эпистолярном тексте, определяя его тематический, стилистический и телеологический диапазон, что позволяет говорить о нескольких уровнях текста писем: информационном, (само)оценочном, рефлексивном, (авто)репрезентативном, мемориальном. У каждого из них свое целеполагание, в совокупности определяющее содержание, стилистику и общую тональность письма, меняющиеся по мере того, как развиваются события внешней жизни, и большая история вносит коррективы в «маленькую» жизнь.

Хронологически в едином тексте писем неизменно присутствуют мотивы прошлого, настоящего и будущего, при этом их восприятие и оценка с течением времени существенно меняются. До февраля 1917 г. основным мотивом является настоящее и воспринимаемое как настоящее недавнее прошлое, общее для автора и адресата и явленное прежде всего в жизни семьи и в связанных с нею повседневных действиях.

Сразу после Февральской революции настоящее представляется как скачок из темного прошлого в исполненное светлой радости будущее и эксплицируется в тексте в самых восторженных тонах, о чем свидетельствует не только выбор слов, но и обилие восклицательных знаков. В нескольких письмах (от 3, 6, 12 марта 1917 г.) подробно воссоздаются события предшествующих дней, оцениваемые положительно с точки зрения как достигнутого результата, так и перспективы на будущее: «Светлее, гнёта нет, возбуждение – иногда беспокойное, иногда – радостное, потому что думается, что впереди всем будет лучше жить, свободнее и легче... <...> Подумай, в одну неделю – переворот: из монархии почти неограниченной, из отсталой формы правления – в республику!! Удивительно и хорошо!»; «Кругом – равенство и свобода! <...> Мы оказались современниками такого события!.. <...> Радует ли твое сердце?» [2, с. 41, 44]. Софье вторит Елена в приписке

¹ В отличие от старшей сестры, Елену отличала выраженная экстравертность и рациональность, жизнелюбие и жизнерадостность, что также получало отражение в ее письмах до поздней осени 1917 г.; тем более показательным постепенное сближение тональности эпистолярных текстов обеих сестер как реакция на резко меняющиеся бытийные условия.

к письму от 3 марта: «Ну, Нинушка, свободная гражданка! Поздравляю! Целую!» [2, с. 42].

Вместе с тем уже 14 марта Софья делится с адресатом своими сомнениями относительно будущего, правда, предварив их еще одним восторженным пассажем: «Теперь мы с тобой – свободные граждане: революция совершилась удивительно, и мы – современники этого исторического переворота! Странно – и хорошо!.. Только бы теперь <...> не было бы сословной ненависти и неверия! И свобода одного не отнимала свободы у других! Только бы на самом деле осуществились свобода и равенство!» [2, с. 46]. В этом же письме впервые идет речь о росте расходов, исчезновении привычных продуктов, которые становятся роскошью (как, например, сахар), о том, что приходится пить чай с черным хлебом, а белый стал такой же редкостью, как раньше были пирожные [2, с. 4]. Однако автору хочется верить в то, что все эти испытания временны и скоро закончатся: «К осени всё придет в порядок, и тогда можно будет начать жизнь действительно новую – без гнёта, опасений, без войны, вражды и ненависти» [2, с. 48]. Залогом этого являются безусловная вера в новое правительство и в грядущие перемены: «Временное правительство такое – из умных людей, один Керенский чего стоит (мне он очень нравится). Вот скоро будет Учредительное собрание – и всё придет в порядок»¹ [2, с. 59, письмо без даты, написанное после 23 марта 1917 г.]. Софья как будто убеждает себя в благотворности происшедших изменений и, пытаясь «снять» и/или «остраннить» собственные сомнения, вызванные настоящим, сосредоточивается на позитивном потенциале будущего, основанном на традиционном для сознания российского интеллигента наборе значимых понятий и их оценке: «“Свобода, равенство и братство” – это святые слова. А где они были при старом режиме? А теперь осуществиться могут, может быть, не в идеале, но могут...» [2, с. 53]. Сделавшийся культурным тропом семиотический комплекс используется как орудие защиты от амбивалентных экзистенциальных обстоятельств.

¹ Тема Учредительного собрания завершается в письме Софьи от 5 января 1918 г. сообщением об открытии собрания; разгон Учредительного собрания в письмах января 1918 г. не упоминается – вероятно, отчасти по соображениям внутренней цензуры, но не в последнюю очередь и потому, что неназванное позволительно считать небывшим; в письмах от 11 и 16 ноября 1917 г. Софья обсуждает с подругой вопрос о том, за какую из партий голосовать – после долгих сомнений семья Юдиных отдала свой голос Трудовой народно-социалистической партии (с. 121, 122).

Довольно скоро, впрочем, стало очевидно, что новая жизнь, отрицающая прежнюю, не несет всеобщего освобождения, а грозит новыми испытаниями, и в письмах последующих месяцев, вплоть до конца ноября 1919 г., мотив счастливого будущего все больше вытесняется мотивом трудного, а затем и невыносимого настоящего, на фоне которого прошлое представляется утраченным раем, а будущее предстает как то благословенное время, когда подойдет к концу ужас настоящего. Начиная с ноября 1917 г. рефреном становится риторический вопрос о том «когда же это закончится» и уверения себя и адресата, что, когда завершатся все тяготы, все вернется к той норме прошлой жизни, память о которой становится фоном для настоящего¹. Иными словами, онтологические категории становятся сначала знаками, а затем символами утраченного счастья, тяжелых испытаний и желаемого избавления от них.

С точки зрения *антропологической* в письмах отчетливо явлена триада «я» – «мы» – «они», где «мы» – близкие и значимые для автора люди, а «они» – люди посторонние, чужие и чуждые, от которых она дистанцируется. Наиболее отчетливо это выражено в письме с предположительной датировкой 23 ноября 1917 г.: «Знаешь, слиться с толпой я бы не хотела: у толпы какие-то особенные настроения: не сумма настроений, а настроение цельное – толпы, массы. Интереснее быть только наблюдателем этой толпы, а не участником её. Но я бы хотела, чтобы у меня был небольшой хотя бы кружок людей, друзей, среди которых я бы не чувствовала себя одинокой» [2, с. 126]².

К разряду «мы» относятся прежде всего члены семьи, за ними следуют родственники и свойственники, давние знакомые, коллеги отца и брата, учителя музыки и живописи сестер, профессора Бестужевских курсов и университета, впоследствии – ученики Софьи и все те, с кем ей пришлось делить горести пореволюционных лет. К разряду «они» – выдвинутый событиями февраля и октября 1917 г. на первые роли «революционный элемент», представители новой власти и «осво-

¹ См., напр., письмо Елены от 14 июня/7 июля 1918 г.: «Не думай, что у нас – одно плохое. Нет, у нас ещё много счастливых минут бывает. Это – минуты воспоминаний о прежней жизни, о некоторых милых людях» (с. 272); ср. с письмом Софьи от 14/1 февраля 1918 г.: «Сейчас вечер, сидим все за лампой в столовой <...> Миша и Лена сидят на папиной кровати и разговаривают о том, как, бывало, покупали когда-то булочки, сметану, как вкусна бывала икра, корюшка – и проч. и проч. Такие разговоры у нас часто» (с. 201).

² Ср. продолжение этой темы в письме от 10–11 ноября 1917 г.: «Одиночество в толпе – горько, но, в конце концов, что же из этого, что ты смотришь на людей, хоть и внимательно, но со стороны? Ведь это интереснее, чем заражаться общим с толпой настроением...» [2, с. 120].

божденного народа». Отношение автора к первым неизменно сочувственно-позитивное, несмотря на все их недостатки и вызывающие ее неодобрение поступки; отношение ко вторым эволюционирует от настороженного до резко негативного; при этом все «мы» названы по имени, будь то родственники, друзья или домашняя прислуга, тогда как «они» за редкими исключениями не персонифицированы, образуя некую единую безличную враждебную силу, угрожающую благополучию, а впоследствии и жизни автора. Стилистически авторское восприятие «их» выражено в обилии безличных и неопределенно личных конструкций, создающих совокупный образ не имеющего лица и, следовательно, не видимого отчетливо, хотя и вездесущего Врага, которому невозможно противостоять. В тех случаях, когда «они» все же обретают субъектность, эта субъектность не индивидуальная, а групповая и/или массовая, как, например, делегация Черноморского флота, явившаяся на спектакль в Мариинском театре и в антракте «Майской ночи» вышедшая на сцену: «Один матрос говорил речь. Конечно, аплодисменты, овации, гимны, «Марсельеза»... На сцене с делегатами были артисты – малороссы и пр. Интересно... Только, конечно, опера от этого пострадала: цельного впечатления от музыки не осталось...» [2, с. 78, недатированное письмо мая 1917 г.].

Если в относительно спокойный период истории информационная составляющая писем ограничивалась сообщениями о повседневной жизни семьи и событиях культурного быта Петрограда, с началом исторических катаклизмов в тексте появляются и нарастают эсхатологические мотивы.

Первые прямые намеки на грядущий конец петербургской культуры и самого города – в письме Софьи от 27 октября 1917 г., реконструирующем события двух предшествующих дней и их последствия: «Представь себе, какой наш убогий Питер: Зимний дворец – в дырочках, как в веснушках, недалеко от него, за Адмиралтейством – Панаевский театр <...> сгорел, был огромный пожар, всё выгорело и провалилось внутри, так что он такой обгорелый, развалившийся» [2, с. 112]. Продолжение темы – в письме Елены от того же числа: «Вообще – скоро Петроград превратится в груды развалин: одни здания обгорели, другие – обстреляны, третьи – в грязи потонули» [2, с. 116]. В последующих письмах обеих сестер упоминаются

закрытие музеев, прекращение работы театров, гимназий, художественных курсов и мастерских и пр. – т. е., о полной остановке привычной культурной жизни. В конце марта 1918 г. Софья сообщает: «Здесь теперь некуда ходить: музеев нет, в театр – как подумаешь, что надо вечером возвращаться – в темноте, с опаской, что снимут с тебя шубу и всё, – то не захочется. Мы уже отвыкли как-то ходить в театр, даже – на концерты...» [2, с. 233].

Все чаще регистрируются свидетельства социального, экономического и бытового неблагополучия, одним из первых признаков которого являются неуклонно растущие цены на продукты. С 14 марта 1917 по 30 ноября 1919 г. сообщения о росте стоимости жизни с указанием точных цен встречаются все чаще, и все чаще речь идет о голоде, который с ноября 1917 г. становится постоянным. Основные экзистенциальные доминанты повседневности конца 1917 – конца 1919 гг.: голод, холод, отсутствие приватности, невозможность заниматься любимым делом, изменение привычного гигиенического режима – с течением времени радикально изменяют личность человека, безжалостно уродуя ее. В недатированном письме Софьи начала весны 1918 г. (публикатор предположительно датирует его по содержанию 12 марта/27 февраля) появляется признание: «Интересы стали отчасти животными: радуемся, что насытились или согрелись (так – О. Д.), наконец, под шубой в кровати, а то бывает, что за ночь не можешь согреться – все очень зябнем» [2, с. 223]. Ср. с письмом Елены от начала августа 1918 г.: «Если бы ты теперь нас увидела, то, наверно, ужаснулась бы. Не только наружный вид поразил бы <...> а наше нравственное состояние. Наши мысли все – о еде. Никакого умственного развития вперед, потому что ничего не читаешь» (с. 287). Через год, 22–23 июня 1919 г., Елена, «в ожидании голодовки», пишет: «Не страшен физический голод, а страшно то состояние – нервное, психически ненормальное, болезненное, которое вызывается первым...» [2, с. 441].

Осенью 1918 г. Софья приходит к мысли о бессмысленности подобного существования: «До чего мы дожили! Тяжело сознавать, что интересы так сузились, что ни до чего нет дела – и ничто не интересно. Лучше бы и совсем не жить, чем так, по крайней мере – не мучила бы мысль, что зря проходит жизнь...» (письмо от 24–25 июня / 7–8 июля 1918 г., датировка

предположительна) [2, с. 268]. Вместе с тем, Софья не оставляет надежды на изменения к лучшему – к возвращению к той насыщенной культурной жизни, которой семья жила прежде и от отсутствия которой так страдает теперь: «Надеюсь, что мы будем же жить, как следует, не животной жизнью, как теперь, а жизнью людей просвещённых» (письмо с предположительной датировкой 15 июля 1918 г.) [2, с. 273].

Однако через год положение дел осталось прежним. Летом 1919 г., Елена, сообщая о том, что два дня назад ее соученица по Музыкальным курсам умерла «от воспаления лёгких, испанки, паралича сердца и кровоизлияния в мозг – всё сразу», приходит к выводу, что «для неё это лучше, потому что теперешняя жизнь – одно сплошное страдание было для неё и её семьи» [2, с. 438, письмо от 10 июня 1919 г., датируется предположительно]. В следующем письме, от 22–23 июня того же года, она рассказывает о посещении кладбища, где похоронены родители, противопоставляя кладбищенскую тишину и покой текущей жизни: «Сегодня были с Сонюшей на кладбище, и там было так чудно, так тихо, так бесконечно спокойно, что хотелось бы там остаться навсегда... Но вышли с кладбища – и сразу в жизнь...» [2, с. 441].

Осенью 1918 г. сестры сообщили в Вятку о смерти обоих родителей: мать, Екатерина Александровна, скончалась во второй половине октября, вероятно, от пневмонии; отец, Алексей Николаевич – в начале ноября от холеры, которой он заболел на следующий день после похорон жены¹. Примечательна семиотическая амбивалентность посвященных этим событиям фрагментов текста. С одной стороны, утрата родителей переживается и оценивается сестрами как предвестие и символ конца их собственной жизни людей культуры, без надежды на возврат к ней в будущем: «Наши говорят, что всё устроится, пойдет хорошо, а у меня в глубине души думается, что теперь и живописи, и Курсам, и моим планам заработка – почти конец» (недатированное письмо Софьи второй половины октября 1918 г. [2, с. 317]). С другой стороны – смерть символизирует избавление от страданий, освобождение и упокоение души: «Нет, что ни делается – всё к лучшему, всё так нужно... Не было

¹ См. недатированные письма Софьи и Елены второй половины октября 1918 г. [2, с. 315–318] и письмо Софьи, предположительно датированное составителем 7 ноября 1918 г. [2, с. 319–320].

чувства ужаса и отчаяния, а только светлое умиление перед простотой таинства и радость за маму – ей теперь хорошо!» [2, с. 316]. Об этом же пишет Елена в недатированном письме начала ноября 1918 г.: «Я никогда не думала, что может быть такое состояние после смерти таких близких людей. <...> Мы счастливы за них, счастливы тем, что им хорошо!» [2, с. 322].

Казалось бы, все цитированные выше сообщения и размышления сестер о смерти друзей и близких свидетельствуют о том, что авторы писем под давлением выпавших на их долю испытаний смирились с грозящей им неизбежностью и готовят себя к ней как к желанному избавлению от тягот пореволюционного быта, словно заранее проигрывая в текстах, посвященных другим людям, собственную судьбу. Однако общий контекст дореволюционной жизни семьи Юдиных с ее сложившимся укладом, нравственным кодексом и укоренившимися в сознании культурными ориентирами позволяет предположить, что смерть физическая воспринимается сестрами не столько как избавление от бытийных тягот, сколько как спасение от смерти духовной, от необратимого распада личности.

Достаточно рано осознав грозящую им опасность взаимного отчуждения, утраты единой домашне-семейной идентичности как защиты от враждебного внешнего мира и перерождения собственной личности, члены семьи Юдиных стремились противостоять распаду при помощи привычных установок, действий и занятий, в прошлой жизни бывших неотъемлемыми атрибутами повседневности российского образованного сословия (просвещенных людей, как называет их Софья): преодолением физической слабости и непреходящей усталости, соблюдением годами устоявшегося режима дня, поддержанием порядка в квартире, музицированием, живописью и рисованием вопреки пронизывающему холоду в доме; обязательным обсуждением новостей и событий дня за голодным вечерним чаем; совместным чтением вслух по вечерам, даже устройством семейных концертов. Софья в письме от 31 июля 1918 г. сообщает о намерении писать маслом портрет матери, а в недатированном письме июня рассказывает о совместном чтении и обсуждении Э. Ренана по вечерам; Елена рассказывает о семейных «концертках» на двух роялях и скрипке [2, с. 280, 253–254, 264]. То есть, ненормальности новой жизни они

противопоставляют нормальность жизни прошлой, ставшую в эти годы для семьи едва ли не главной ценностью¹.

Выводы

Дружеская переписка входила в ряд занятий из прошлого, при помощи которых сестры Юдины противостояли ужасу настоящего². Переписка сделалась и модусом проживания повседневности, и пространством ее переживания, и инструментом (авто)рефлексии, позволяющей эту повседневность преодолеть, то есть – выжить и сохранить себя. В недатированном письме (предположительно конца сентября – начала октября) 1918 г. Софья, ссылаясь на Метерлинка, размышляет о единственно возможном образе жизни: «Да, конечно, Метерлинк прав в своём изречении, что нужно жить высшей жизнью – в ней спастись от действительности... Это то, что Миша (брат Софьи и Елены – О. Д.) называет “возвышаться над трёхмерными обыденными измерениями” ... Да, иначе жить невозможно, особенно – теперь» [2, с. 309–310].

Обращение к одной из самых устойчивых культурных практик дореволюционной России, основанных на Слове, дало авторам писем возможность не только вербализовать представлявшийся невербализуемым бытийный опыт, но и поднестись над ним и заново обрести себя. В результате петроградские письма сестер Юдиных, адресованные вятской подруге, в самом прямом смысле слова превратились не только в хроннику выживания, но и в исполненную драматизма историю преодоления эсхатологии.

Список литературы

1. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX. (Жанр и текст писем). – СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 2000. – 137 с.
2. Бердинских В. Письма из Петрограда: 1916–1919 (эпистолярный роман). – СПб.: Изд. дом «Петрополис». – 552 с.

¹ См., напр., письмо Елены, предположительно от начала августа 1918 г.: «В последние дни почему-то особенно ярки и близки мне все воспоминания о прежнем: о людях, о прежних радостях, горестях и времянпрепровождении. Я прежде тоже не знала, что можно с такой ясностью, почти до галлюцинации, представить себе прошлое. Одного намёка, пылинки, чёрточки достаточно, чтобы восстановить целую картину, образ кого-нибудь и т. п. С Соней особенно часто вспоминаем тебя и те зимы, которые мы проводили вместе...» [2, с. 286].

² В декабре 1919 г. сестры благодаря помощи Н. Агафонниковой перебрались в Вятку, что, вероятнее всего, спасло их от верной гибели, однако уже в 1920 г. вернулись в Петроград; переписка возобновилась, но никогда уже не достигает того уровня драматизма, который присущ конца письмам 1917–1919 гг., а через некоторое время и совсем прекращается.

3. Гиндин С. И. Биография в структуре писем и эпистолярное поведение // Язык и личность: Сб. статей. – М.: Наука, 1989. – С. 63–77.
4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель. Ленингр. отд., 1971. – 464 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1956. – 700 с.
6. Лаппо-Данилевский К. Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. – СПб.: Наука. – С. 121–153.
7. Ковалева Н. А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – 284 с.
8. Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 320 с.
9. Рылов А. А. Воспоминания. – Л.: Художник РСФСР, 1977. – 287 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 698 с.
11. Степанов Н. С. Дружеское письмо начала XIX в. // Степанов Н. С. Поэты и прозаики. – М.: Художественная литература, 1966. – С. 66–91.
12. Тодд У. М. III. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / пер. с англ. И. Ю. Куберского. – СПб.: Академический проект, 1995. – 207 с.
13. Irving W. H. The Providence of Wit in the English Letter Writers. – Durgam, N.C.: Duke University Press, 1955. – 382 p.
14. The Familiar Letter in the Eighteenth Century / ed. by Y. Anderson, Ph. B. Daghljan, I. Ehrenpreis. – Lawrence: University of Kansas Press, 1966. – 306 p.

References

1. Belunova, N. I. (2000) *Druzheskije pis'ma tvorcheskoj intelligentsii kontsa XIX – nachala XX*. (Zhanr i tekst pisem) [Russian Artistic Intelligentsia's Familiar Letters of the 1890s – 1900s. (Genre and Text)]. Sankt-Peterburg: St Petersburg Univ. Publishers. (In Russian).
2. Berdinskikh, V. (2016) *Pis'ma iz Petrograda: 1916–1919 (epistoliarnyi roman)* [Letters from Petrograd: 1916–1919 (An Epistolary Novel)]. Sankt-Peterburg: Petropolis Publishers. (In Russian).
3. Gindin, S. I. (1989) *Biografiya v strukture pisem i epistoliarnoe povedenie* [Biography in Letter Structure and Epistolary Behaviour]. *Iazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moskva: Nauka. Pp. 63–77. (In Russian).
4. Ginzburg, L. Ja. (1971) *O psikhologicheskoi proze* [On Psychological Prose]. Leningrad: Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
5. Dal', V. I. (1956) *Tolkovoi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Vol. 1. Moskva: State Foreign and National Dictionaries Publisher. (In Russian).
6. Lappo-Danilevsky, K. Yu. (2013) *Druzheskoe literaturnoe pis'mo: spetsifika, istoki* [A Familiar Literary Letter, Its Specificity and Sources]. *XVIII vek* [18th Century]. Sb. 27. Puti razvitiya russkoi literatury XVIII veka. Sankt-Peterburg: Nauka. Pp. 121–153. (In Russian).
7. Kovaleva, N. A. (2001) *Russkoe chastnoe pis'mo XIX v.: Kommunikatsiya, zhanr, rechevaya struktura* [Russian 19th Century Private Letter: Communication, Genre, Speech Structure]. Moskva: SportAcademPress. (In Russian).
8. Paperno, I. (2021) *Sovetskaya epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh. Opyt chteniya* [Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
9. Rylov, A. A. (1977) *Vospominaniya* [Memoirs]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. (In Russian).
10. Evgen'eva, A. P. (1981) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 tomakh. T. I.* [A Dictionary of Russian: In 4 vols. Vol. 1]. Moskva: Russkij yazyk. (In Russian).
11. Stepanov, N. S. (1966) *Druzheskoe pis'mo nachala XIX v.* [The 19th Century Familiar Letter]. Stepanov, N. S. *Poety i Prozaiki* [Poets and Prose Writers]. Moskva: Khudozhestvennaya literature. Pp. 66–91. (In Russian).

12. Todd U. M. III. (1995) *Druzheskoe pis'mo kak literaturnyj zhanr v pushkinskuyu epokhu* [A Familiar Letter as a Literary Genre in Pushkin Times]. Per. s angl. I. Yu. Kuberskii. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt. (In Russian).

13. Irving, W. H. (1955) *The providence of Wit in the English Letter Writers*. Durgam, N.C.: Duke University Press.

14. Anderson, Y., Daglian, Ph. B., Ehrenpreis, I. (1966) (eds.) *The Familiar Letter in the Eighteenth Century*. Lawrence: University of Kansas Press.

Об авторе

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2281-4059, e-mail: ord55@mail.ru

About the author

Ol'ga R. Demidova, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2281-4059, e-mail: ord55@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.05.2024

Принята к публикации: 27.06.2024

Опубликована: 17.09.2024

Received: 27 May 2024

Accepted: 27 June 2024

Published: 17 September 2024